

Александр ПАРНИС

Вячеслав Иванов и Хлебников: К проблеме диалога и о ницшевском подтексте «Зверинца»

Мы думаем мыслями Платона, Аристотеля, Канта,
Заратустры Ницше, строя фразы.
*Из письма А. М. Ремизова Н. В. Кодрянской
от 15 января 1957 года*

Летом 1909 года Хлебников написал свое ставшее впоследствии знаменитым стихотворение в прозе (или маленькую поэму) «Зверинец» и посвятил его Вячеславу Иванову. Это был пик — высшая точка — творческих отношений двух поэтов.

Литературные и биографические отношения двух поэтов — это тема специального и тщательного анализа, к которому мы надеемся еще вернуться. Осип Мандельштам, например, пронизательно писал в одной из статей: «Ни у одного символического поэта шум словаря, могучий гул наплывающего и ждущего своей очереди колокола народной речи, не звучит так явственно, как у Вячеслава Иванова, — «Ночь немая, ночь глухая», «Мэнада» и проч. Ощущение прошлого как будущего роднит его с Хлебниковым. Архаика Вячеслава Иванова происходит не от выбора тем, а от неспособности к относительному мышлению, то есть сравнению времен»¹.

Эта работа посвящена в основном раннему периоду Хлебникова, когда молодой поэт сблизился с кружком Вячеслава Иванова. Ни одного непосредственного отзыва Вячеслава Иванова о Хлебникове, зафиксированного в печати или в неизданных текстах, кажется, не сохранилось, кроме полуапокрифического, полученного, вероятно, через вторые или третьи руки и напечатанного в 1928 году: «Велимир — безусловно гениален. Он подобен автору “Слова о полку Игореве”, чудом дожившему до нашего времени»².

Один из молодых друзей Хлебникова археолог Б. А. Куфтин привел в своих неизданных записях о поэте другой, поздний, отзыв Вячеслава Иванова о «Зверинце»: «Это мог написать только гениальный человек»³. Автор эссе «О гении» Вячеслав Иванов вкладывал в это понятие эзотерический смысл. Интересно, что Хлебников оставил свое посвящение на «Зверинце» при публикации его в первом «Садке судей» (1910) — уже после того, как разорвал отношения с кружком Вячеслава Иванова.

Между тем посвящение «Зверинца» Вячеславу Иванову не сводится только к внешней почтительности и пиетету начинающего поэта к мэтру символизма, но и, как выясняется, свидетельствует о внутренних глубинных связях поэтов.

Первоначально отношения между поэтами складывались по схеме «учитель и ученик»⁴. В кругу Вячеслава Иванова и вообще в кругу символистов поддерживалась традиция обмена поэтическими посланиями. Сразу же после первых посещений Хлебниковым «башни» Вячеслава Иванова (они познакомились летом 1908 г. в Крыму) петербургский мэтр посвятил молодому поэту стихотворение «Подстерегателью» и датировал 3 июня 1909 г.

Вячеслав Иванов включил это стихотворение в свой сборник «Сог Арденс» в 1911 г., уже после разрыва с Хлебниковым⁵.

Трудно, разумеется, восстанавливать первые беседы мэтра и «со-вопросника» Хлебникова⁶. Но с несомненностью можно утверждать, что в этих беседах Вячеслав Иванов рассказывал и о своем детстве, проведенном в московском доме, стоящем напротив Зоологического сада. Эти детские годы и все, что с ними связано, были очень важны для мировосприятия Вячеслава Иванова, и он вспоминал об этом в поздней автобиографии: «Я с любовью отмечаю эти места, потому что с ними связаны первые впечатления моей жизни, сохранные памятью в каком-то волшебном озарении, — как будто тот слон, которого я завидел из наших окон в саду, ведомого по зеленой траве важными людьми в парчовых халатах, и тот носорог, на которого я подолгу глазел сквозь щели ветхого забора, волки, что выли в ближайшем нашем соседстве, и олени у канавы с черною водой, высокая береза нашего садика, окрестные пустыри и наш бело пушистый дворник <...> остались навсегда в душе видениями утраченного рая»⁷.

Мы останавливаемся на этой пространной цитате еще и потому, что Хлебников написал свой «Зверинец» (первоначальную редакцию) в Зоосаде, но не в московском, а в петербургском, куда он попал, надо думать, не случайно⁸. Вероятно, его подтолкнули к этому посещению рассказы Вячеслава Иванова о московском Зоосаде и посвященное ему, Хлебникову, стихотворение. В прощальное письмо к Вячеславу Иванову, написанное перед отъездом из Петербурга на вакации, сразу после посещения Зоосада, Хлебников вкладывает только что (10 июня 1910 г.) сочиненный им «Зверинец». Таким образом Хлебников отвечает на ивановское послание «Подстерегателью», написанное несколько дней назад, своим «Зверинцем» и через год публикует его в «Садке Судей» с посвящением В. И., то есть — Вячеславу Иванову.

Но этот поэтический диалог имел свое продолжение. В 1918 г. Вячеслав Иванов заканчивает и издает автобиографическую поэму

«Младенчество», озаглавленную пушкинским словом и написанную онегинской строфой. В 17, 18 и 19-й главках этой поэмы, рассказывающей о «детском Эдеме» автора возле московского Зоосада, неожиданным образом обнаруживаются реминисценции из хлебниковского «Зверинца», порожденного этими же воспоминаниями. Итак, диалог поэтов продолжался и строился на взаимовлиянии текстов: «Подстерегателью» — «Зверинец» — «Младенчество».

В упомянутом письме Иванову Хлебников формулирует основную идею «Зверинца»:

<...> Виды животных — дети вер и что веры — младенческие виды. Один и тот же камень разбил на две струи человечество, дав буддизм и Ислам, и непрерывный стержень животного бытия, родив тигра и ладью пустыни <...>. Волнующие нас веры суть более бледный отпечаток древле действовавших сил, создавших некогда виды. (НП, 355–356)

Все звериные метафоры хлебниковского верлибра конструируются в основном на схожих соответствиях и сравнениях, а кольцевая музыкальная его структура реализуется повторами-зачинами. Таким образом, многообразие животного мира становится метафорой этнического и исповедного многообразия человечества, зверинец — метафорой некоей общности, смысл которой нужно раскрыть.

Многие, писавшие о хлебниковском «Зверинце», возводят его к «Песни о самом себе» Уитмена. К. И. Чуковский первый отметил эту связь еще в 1913 г. И более чем через пятьдесят лет, в 1967 г., он также считал, что «Зверинец» написан под влиянием Уитмена и писал автору этих строк: «Я и сейчас убежден, что стихотворение Хлебникова «Зверинец» по своей структуре, по своему синтаксису связано с «Песней о самом себе» У. Уитмена. И в то же время стихотворение это так самобытно, в нем столько чисто хлебниковских красок, что Хлебников имел право отмежеваться от американского барда. Ведь каждая строчка «Зверинца», характеризующая того или иного зверя, есть, так сказать, творческое изобретение Хлебникова. Говоря фигурально, Хл[ебников] взял у Уитмена лишь раму для своей картины, а картину написал сам, никому не подражая» (Тв 1986, 679).

Между тем сам Хлебников неоднократно отвергал свою «зависимость» от Уитмена. В беседе с бакинским литератором А. Бородиным, автором брошюры об Уитмене, он сказал, что написал «Зверинец» еще до своего знакомства с произведениями Уитмена⁹ (первый перевод «Песни о самом себе» появился в 1907 г. в книге К. Чуковского «Поэт-анархист Уот Уитман»¹⁰). В одной из неизданных статей он еще раз вернулся к вопросу о своем пресловутом уитменианстве и не без иронии утверждал:

Говорят, я подражаю Уитмену, да, если иметь такое число глаз, как и у вас, значит подражать вам, если смотреть на то же солнце, как и вы, значит подражать вам, то я подражаю Уитмену. (Тв 1986, 679)

И в то же время, как свидетельствует близкая знакомая поэта, Хлебников очень гордился отзывом о нем Чуковского, как о русском Уитмене, и книгу Чуковского «всюду возил с собою»¹¹. В одной из своих записей для памяти Хлебников называет Уитмена вместе с Леонардо да Винчи «глашатаями будущего человечества»¹².

Вполне возможно, что отрицание Хлебниковым «зависимости» или воздействия уитменовской «Песни» — это полемический прием с целью доказать приоритет своего новаторства, в частности, в создании произведений, написанных свободным стихом. Не случайно в сборнике «Пощечина общественному вкусу» (1912) Д. Бурлюк провозгласил Хлебникова «единственным и прекраснейшим представителем» *vers libre* в русской поэзии¹³.

Новаторская поэзия Уитмена — не единственный источник «Зверинца». Ключ к нему и к определению других вероятных источников его сюжета и структуры следует, как нам представляется, искать в самом хлебниковском тексте.

В начале последней редакции «Зверинца» (Хлебников поправил и доработал текст в 1911 г.), буквально в третьей фразе, появляется немецкая тема «где немцы ходят пить пиво. А красотки продавать тело». Эта же тема возникает через несколько строк в ироническом ключе: «А немцы цветут здоровьем», — и снова появляется, уже приближаясь к концу текста, в конкретном образе следующей метафоры: «Где толстый блестящий морж машет, как усталая красавица, скользкой черной веерообразной ногой и после падает в воду, а коща он выкатывается снова на помост, на его жирном могучем показывается усатая щетинистая, с гладким лбом голова Ницше».

В этой метафоре, которая является одной из ключевых, и заявлен главный указатель к интерпретации «Зверинца». Образ Ницше возник не только на внешних признаках сходства; с ним, как становится очевидно, связаны, и это главное, весь ритмико-интонационный и образно-метафорический строй, структура, сюжет и идея всего текста хлебниковского «Зверинца». Лейтмотивные и лексические повторы музыкальной структуры «Зверинца» находят полное соответствие в зачинах предисловия к книге Ницше «Так говорил Заратустра» (часть 1, главка 4) и в главе «О великом томлении» (часть 3 и другие фрагменты). Таким образом, несомненным источником «Зверинца» является «симфоническая поэма» или гимны Фр. Ницше «Так говорил Заратустра».

Мы вскользь упомянули об этом в комментарии «Зверинцу» в юбилейном книге «Творений» Хлебникова в 1986 г., но не имели возможности развить эту гипотезу.

Несомненно, обрабатывая в 1911 г. текст «Зверинца», Хлебников строил свои метафоры и привязывал их к конкретным лицам, к своим знакомым, литературным и историческим персонажам. Такая конструкция метафоры подтверждается тем, что в письме к отцу от 13 октября 1908 г., т. е. до создания «Зверинца», Хлебников пишет: «Недавно посетил вечер “Северной свирели” и видел всех: Ф. Сологуба, Городецкого и других из зверинца...» (СП, 5, 284)¹⁴. Здесь впервые у Хлебникова появляется метафора зверинца, изображающая некое сообщество людей.

В последней редакции «Зверинца» появилась строка, которой также не было в первоначальной редакции, вложенной в письмо к Вячеславу Иванову: «Где косматовласый «Иванов» вскакивает и бьет лапой в железо, когда сторож называет его «товарищ»». Сам Иванов в стихотворении «Надпись на исчерченной книге» сравнивает себя со львом: «Как ты, я был пустынный лев...»¹⁵. Эта автохарактеристика Вячеслава Иванова навеяна ницшевским мотивом льва-ребенка из притчи «О трех превращениях», которой открывается книга «Так говорил Заратустра». Кроме того, метафорическое изображение льва в «Зверинце» отсылает к известным портретам Вячеслава Иванова работы К. Сомова и Н. Ульянова. Однако, в закодированной метафоре не все планы удастся дешифровать. Вероятно, здесь слово-характеристика «товарищ» связано с образом льва из «Заратустры», являющегося главным атрибутом, если не alter ego Заратустры и проходящего через всю «поэму». Он превратился из могучего хищного царя зверей, символизирующего дух свободы и привыкшего «господствовать и повелевать», в прирученного Заратустрой смеющегося льва-младенца. В финале «поэмы» в главе «Знамение» появляется лев, ставший его, Заратустры, личным «зверем», т. е. товарищем «господина-сверхчеловека». Хлебников, вероятно, в «Зверинце», конструируя метафору Иванов-лев, как бы иронизирует над образом преображенного ницшевского льва-«товарища»¹⁶.

В позднем прозаическом фрагменте Хлебников следующим образом описывает внешний портрет метра символизма: «Забавно встретить лицо седого немецкого ученого в человеке, которого вы помните с золотистыми волосами, окруженными полувенком. Мои пылкие годы. Когда он не был убелен, он мне напоминал еще Львиное Сердце. Ласковыми уверенными движениями он возьмет вашу руку и прочтет неясное пророчество и после взглянет внимательно и поправит два стеклышка» (СП, 5, 128).

Интересно, что сам Иванов отождествлял себя также с тигром, приблизительно в то же самое время в записи о сне в дневнике от 21 июня 1908 г.: «И вот четыре нижних конечности пентаграммы рук и ног моих обращаются в крылья, у меня две птичьих лапы, а голова моя покрывается головою тигра»¹⁷. А характеристика Вячеслава Иванова в приведенном выше фрагменте, получившего образование в Германии, как «немецкого ученого»¹⁸, неожиданно указывает на непосредственную связь немецкой темы «Зверинца» с адресатом текста.

Итак, Хлебников упоминает в «Зверинце» два конкретных «литературных» имени — Вячеслава Иванова и Ницше. Было бы большим соблазном или рискованной опрометчивостью искать в каждой звериной метафоре Хлебникова тот или иной зашифрованный «реальный» персонаж, но частично такой подход к «Зверинцу» вполне возможен и многое объясняет.

Это подтверждается не только на линейном метафорическом уровне: лев — Вяч. Иванов и морж (то есть морской лев) — Ницше, но и на глубинных семантических подтекстах. Нужно подчеркнуть, что Хлебников воспринимал идеи Ницше, не только штудировав его тексты, а через посредство Вяч. Иванова, который в первый период своего творчества был ницшеанцем и находился под большим влиянием немецкого философа. Многие произведения Вячеслава Иванова (лирика, пьесы, статьи) были, как известно, «настоены» на идеях автора Заратустры, однако он нередко полемизировал с ним и пародировал его¹⁹. Конечно же, главными побудителями обращения Хлебникова к философии и идеям Ницше — непосредственными толчками — было не только штудирование произведений мэтра, но и беседы с ним на «башне», в которых он развивал различные идеи автора «Заратустры». Интересно заметить, что именно в 1908 г. Вячеслав Иванов собирался, как он писал Брюсову, перевести книгу «Так говорил Заратустра»²⁰.

В указанном письме к Вячеславу Иванову Хлебников приравнивает работу над «Зверинцем» к растрате энергии человеком, «совершающим восхождения на гору и ее вершину» (НП, 356). Это сравнение также отсылает к лейтмотиву, проходящему через весь ницшевский текст, — Заратустра постоянно совершает восхождение на гору, откуда ведет свои проповеди.

Примененный Хлебниковым в «Зверинце» принцип кодирования возможно восходит к еще одной книге, созданной в сфере Вячеслава Иванова — «Трагическому зверинцу» Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (1907 г.). Объяснения, данные Вяч. Ивановым названию и смыслу книги своей жены, могут быть полностью перенесены на хлебниковский «Зверинец». Вяч. Иванов говорил своему ученику бакинскому филологу М. С. Альтману: «Формально все рассказы повествуют о зверях («Глухая Даша» и «Царевна-кентавр» ведь тоже звери). И не только

формально, но и весь мир представлен здесь зверинцем. И зверинец этот не научный, не комический, а трагический»²¹.

Хлебников, подобно Ницше, создает свою звериную мистерию, но если животными Заратустры были орел и змея, то Хлебников включает в свой зверинец фактически представителей всего животного мира, моделью которого был Зоосад. Звериная мистерия Хлебникова учитывает идею античной мистерии, одним из адептов и истолкователей которой был Вяч. Иванов. Хлебниковская ирония, возможно, заключается в том, что ницшевскому «сверхчеловеку» он как бы противопоставляет своего «сверхзверя». Приведем еще одну параллель: Заратустра постоянно обращается к своим мученикам и слушателям со словами «братья мои». «Зверинец» фактически начинается с фразы, в которой Хлебников называет «братьями» зверей.

Хлебников в «Зверинце», построенном по образцу музыкального произведения, разрабатывает основную ницшевскую концепцию — «идею вечного возвращения» — и усиливает ее схожими ритмическими конструкциями. Два лейтмотива, которые варьируются в «Заратустре» — «великий полдень» и «вечность», Хлебников трансформирует в свой «Зверинец», «снижая» их функциональную значимость и установку: «Где орлы сидят, подобны вечности, означенной сегодняшним, еще лишенным вчера днем» и «Где полдневный пушечный выстрел заставляет орлов посмотреть на небо в ожидании грозы».

«Зверинец» Хлебникова опирается на два «литературных» имени — Вяч. Иванов и Ницше («лев» и «морской лев»), и внутренний смысл вещи как бы распределяется между этими двумя именами. Идеологическая и метафорическая игра проясняется между ключевыми фразами текста — первой и последней: «Где железо, подобно отцу, напоминающему братьям, что они братья и останавливающему кровопролитную схватку» и «Где в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное в часослов Слово о полку Игореве во время пожара Москвы». Если вспомнить, что гениальность Хлебникова Иванов сравнивал с гениальностью автора «Слова», то заключительная метафора «Зверинца» приобретает лирический смысл, возможно связанный с какими-то беседами между учителем и учеником об этом великом литературном памятнике. Теперь есть возможность расшифровывать смысл сообщества, изображенного в «Зверинце»: Хлебников уходит от ницшевского «сверхчеловека» к ивановской «соборности». Используя ницшевские образы, мотивы и ритмику, он переосмысляет их в духе идеологии адресата посвящения. У него железная клетка, напоминающая братьям, что они — братья, выступает как разумно сдерживающий, гармонизирующий элемент, оспаривающий ницшевское представление о государстве как о «зверинце или клетке для зверей»²².

Включая в свой «Зверинец» некоторые образы «Заратустры», свободно варьируя его ритмику (вполне узнаваемую), Хлебников создает произведение иной идейной направленности. Антигуманистические (в понимании Ницше — антихристианские) выпады Ницше неприемлемы для Хлебникова, и ницшевские «знаки» его стихотворения — основа полемики с германским философом. Наперекор Ницше, утверждающему устами язычника Заратустры (в главе «О поэтах»), что «вера не спасает», Хлебников на основе широчайшей веротерпимости создает модель экуменического братства поверх идеологических и конфессиональных различий, как бы ученически демонстрируя перед своим учителем Вяч. Ивановым необозримые расширительные возможности его «соборности»: «На свете потому так много зверей, что они по-разному умеют видеть Бога», и что верблюд «знает разгадку буддизма и затаил ужимку Китая», а в «лице тигра... мы чтим последователя пророка и чтим сущность ислама». Культурология Хлебникова подразумевает цветущее богатое разнообразие на основе гуманистических ценностей («видеть Бога»), а в широте его взглядов угадывается будущий «Председатель Земного Шара», создатель русской интернациональной утопии. Общий свой с Ивановым источник — поэтическую философию Ницше — Хлебников резко накреняет в сторону своего львинообразного учителя, от которого ему вскоре предстояло уйти в своем развитии в иные области.

Тема «Вячеслав Иванов и Хлебников» выходит на вопрос о художественном и идеологическом влиянии Ницше как на творчество учителя, так и ученика, и перерастает в широкую проблему «Ницше и Хлебников», которая еще не стала предметом изучения исследователей и требует специального анализа²³.

